

УДК 821(470).0 + 821.133.1.0
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-125-137>

Образ собаки в современной литературе: этнические обертоны разных культур

**Элеонора Федоровна Шафранская¹, Шевкет Рустемович Кешфидинов²,
Нурсулу Жамалбековна Шаймерденова³**

¹ *Российский университет дружбы народов, Москва, Россия*

² *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*

³ *Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан*

¹ *shafranskayaef@mail.ru, 0000-0002-4462-5710*

² *keshfidinov-shevket@rambler.ru, 0000-0003-3293-3393*

³ *turkology.ri@gmail.com, 0000-0002-2830-8336*

Аннотация

В мировой словесности написано множество текстов о собаке. Современные тексты отличны от древних – в одних случаях образ собаки утрачивает коннотации, которые закреплены за собакой архаикой, – происходит процесс демифологизации. В других – образ собаки амбивалентен: наряду с архаической символикой (особенно в повседневной речи) собака (в литературных текстах) изображается антропоморфно, несет нравственные коды, становится мерилom человеческой эмпатии. Рассмотрен образ собаки в разных этнокультурных и исторических контекстах – на материале произведений современных писателей. Взаимоотношения человека и собаки представлены в тувинском контексте Маадыр-оол Ховалыгом (в трех «Охотничьих рассказах» упомянута одна и та же традиция: обращение к «хозяину тайги» за помощью, однако в этой ситуации человек проявляет себя в отношении к собаке по-разному, собака играет роль нравственного камертона); в осетинском – писателем Мелитон Казиты (повесть «Алмас» создана в жанре жизнеописания собаки – от ее рождения до смерти; исторические перипетии XX в. и поведение человека даны в несобственно-прямой рецептивной речи собаки, образ которой воплотил элементы осетинской мифологии и интертекстуальные литературные детали); в казахском – Ильей Одеговым (повесть, озаглавленная как «Овца», выстраивает провокационное ее прочтение, потому что главное животное в ней не овца, а собака Лелька, спасшая своего хозяина и погибшая); в европейском – писателем Эрик-Эмманюэлем Шмиттом (в новелле франкоязычного писателя контекст почти глобальный, сконцентрированный вокруг Холокоста: действие происходит в Бельгии, вспоминается плен в польском Освенциме, интенция концлагеря – антиеврейская, спасение приходит от советской Красной армии; все, что осталось в жизни героя Сэмуэля, чтобы продолжать ее дальше, – это собака Аргос, кличка которой – реминисценция из гомеровской «Одиссеи»); факультативно упоминаются другие этнические контексты: иудейский (связанный с мифологическим концептом, который отражен в топониме «Годовалая сука» из романа «Вот идет Мессия!» Дины Рубиной), крымско-татарский (субъект повествования в рассказе «Одиночество» Эрвина Умерова – собака; ей, беспристрастному нарратору, писатель доверил сообщить о травме своего народа – 1944-м годе).

Ключевые слова: образ собаки, тувинская литература, осетинская литература, литература Казахстана, французская литература, Маадыр-оол Ховалыг, Мелитон Казиты, Илья Одегов, Эрик-Эмманюэль Шмитт, Холокост, Дина Рубина, Эрвин Умеров

Для цитирования: Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р., Шаймерденова Н.Ж. Образ собаки в современной литературе: этнические обертоны разных культур // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 125–137. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-125-137>

The image of a Dog in modern literature: ethnic overtones of different cultures

Eleonora F. Shafranskaya¹, Shevket R. Keshfidinov², Nursulu Zh. Shaimerdenova³

¹ *RUDN University, Moscow, Russian Federation*

² *Moscow City University, Moscow, Russian Federation*

³ *Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan*

¹ *shafranskayaef@mail.ru, 0000-0002-4462-5710*

² *keshfidinov-shevket@rambler.ru, 0000-0003-3293-3393*

³ *turkology.ri@gmail.com, 0000-0002-2830-8336*

Abstract

World literature includes a large number of texts about dogs. Modern texts differ from ancient ones – in some cases, the image of a dog loses the connotations that are attached to the dog by archaism – a process of demythologization occurs. In others, the image of a dog is ambivalent: along with archaic symbolism (especially in everyday speech), a dog (in literary texts) is depicted anthropomorphically, carries moral codes, and becomes a measure of human empathy. The article considers the image of a dog in different ethnocultural and historical contexts – based on the works of modern writers. The relationship between a person and a dog is presented in the Tuvan context by Maadyr-ool Khovalyg (in three "Hunting Stories" the same tradition is mentioned: turning to the "master of the taiga" for help, but in this situation a person behaves differently in relation to a dog, the dog plays the role of a moral tuning fork); in Ossetian – by the writer Meliton Kazity (the story "Almas" is created in the genre of a dog's life story – from its birth to death; the historical upheavals of the 20th century and human behavior are given in the indirect receptive speech of a dog, whose image embodied elements of Ossetian mythology and intertextual literary details); in Kazakhstan – by Ilya Odegov (the story, entitled "Sheep", constructs a provocative reading of it, because the main animal in it is not a sheep, but a dog named Lelka, who saved her owner and died); in Europe – by the writer Eric-Emmanuel Schmitt (in the novella by the French-speaking writer, the context is almost global, centered around the Holocaust: the action takes place in Belgium, recalling captivity in the Polish Auschwitz, the intention of the concentration camp is anti-Jewish, salvation comes from the Soviet Red Army; all that is left in the life of the hero Samuel to continue it further is the dog Argos, whose name is a reminiscence of Homer's "Odyssey"); other ethnic contexts are optionally mentioned: Jewish (associated with the mythological concept reflected in the toponym "Year-old Bitch" from the novel "Here Comes the Messiah!" by Dina Rubina), Crimean Tatar (the subject of the narrative in the story "Loneliness" by Ervin Umerov is a dog; the writer entrusted it, an impartial narrator, to report on the trauma of his people – 1944).

Keywords: the image of a dog, Tuvan literature, Ossetian literature, Kazakh literature, French literature, Maadyr-ool Khovalyg, Meliton Kazity, Ilya Odegov, Eric-Emmanuel Schmitt, the Holocaust, Dina Rubina, Erwin Umerov

For citation: Shafranskaya E.F., Keshfidinov S.R., Shaimerdenova N.Zh. Obraz sobaki v sovremennoy literature: etnicheskiye obertony raznykh kul'tur [The image of a Dog in modern literature: ethnic overtones of different cultures]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 125–137 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-125-137>

Введение

Из всех животных, окружающих человека (вне зависимости от этнической принадлежности или географической локации), собака наиболее частый персонаж устного и письменного дискурса (мифологии, фольклора, литературы). Почти за каждым животным, существующим в природе, в мифологическом «реестре» закреплён какой-то символический смысл. Однако в случае с собакой обобщённого «собачьего» смысла не наблюдается. Образ собаки в мировой культуре окружён противоречивым ореолом, например: *Собака – друг человека* и *Собаке собачья смерть*. Сделав небольшой экскурс в мифологический дискурс о собаке, мы остановимся на образе собаки в современной литературе – в прозаических текстах, где собака присутствует в этнически окрашенных контекстах: тувинском, осетинском, казахстанском, европейском (последний – обобщённый географический ареал, связанный с темой Холокоста, который локально – через всю Европу – представлен в рассказе французского писателя), а также (факультативно) в иудейском, крымско-татарском. Выбор контекстов и, соответственно, авторов может быть объяснён только временем создания текстов – современностью. Он не носит никакой намеренно типологической закономерности, однако такой случайный выбор тоже позволит сделать определённые выводы к финалу наших рассуждений.

Цель предлагаемой статьи – проанализировать образ собаки в разных этнически окрашенных про-

заических текстах, относимых к современной литературе. Задачи: рассмотреть отношения человека к собаке в *тувинском* (рассказы М. Ховалыга), *осетинском* (повесть М. Казиты); *казахстанском* (повесть И. Одегова) контекстах, выявить роль собаки в травматическом контексте европейской истории (новелла Э.-Э. Шмитта), факультативно – в *иудейском* (роман Д. Рубиной) и *крымско-татарском* контекстах (рассказ Э. Умерова).

Новизна предлагаемой статьи состоит в том, что каждый из названных текстов не анализировался в выбранном ракурсе, тем более они не анализировались в том ансамбле, который предложен в статье.

Материал и методы

Теоретико-методологическая основа статьи – труды по исследованию мифологии: В.Н. Топорова [1], О.М. Фрейденберг [2], Д.К. Зеленина [3], Ж. Дюмезиля [4], Д.Д. Фрэзера [5], Дж. Тресиддера [6], А.А. Тахо-Годи [7].

В качестве материала исследования мы выбрали по одному автору, представляющему этнокультурный регион. Это цикл рассказов «Под созвездием Плеяды» тувинского прозаика М. Ховалыга («Погоня», «Тринадцатая охота», «Третье прекрасное существо») [8]; повесть «Алмас» осетинского прозаика М. Казиты [9]; повесть «Овца» – казахстанского писателя И. Одегова [10], новелла «Пес» – франкоязычного драматурга Э.-Э. Шмитта

[11], а также израильский роман «Вот идет Мессия!» русской писательницы Д. Рубиной [12] и рассказ «Одиночество» – крымско-татарского автора Э. Умерова [13]. Перечисленные тексты рассмотрены с применением сравнительно-типологического и мифопоэтического методов анализа.

Предпосылки научного диалога

Тотемизм, одна из первых религий, на долгие века определил экзистенциальные и ментальные факторы в развитии человечества. В архаическом сознании «животные выступают как один из вариантов мифологического кода <...> на основе которого могут составляться целые сообщения» [1, с. 440], животные кодируют страны света, времена года, стихии, календарь и пр. Какие смыслы закреплены за собакой?

Автор энциклопедического сайта «Собака и человек. Искусство. Религия. Общество» пишет, что в трех мировых религиях (иудаизм, христианство, ислам) отношение к собаке сложилось непростое. «В Ветхом Завете из тридцати упоминаний собаки лишь в двух случаях оно не имеет негативного смысла» [14]. Составитель словаря символов, культуролог Джек Тресиддер в статье о собаке пишет: «В древности в Центральной Азии и Персии... телами умерших кормили собак. Этот обычай привел к семитскому и мусульманскому представлению о собаке как о нечистом... животном, которого использовали только как сторожа» [6, с. 344–345]. В казахском и русском дискурсе, который приведен в двуязычном своде этнографических характеристик человека, почти все коннотации, закрепленные за «собакой», негативные (в казахском: «о бестолковом, грубом, наглom тупом человеке»; в русском: «о злом, грубом человеке», «бранное слово» [15, с. 35]). Эти «собачьи» характеристики человека опосредованно спроецированы мифологическими смыслами (мифологической архаикой «прошито» большинство образных лексем, употребляемых в повседневности).

Группа казахстанских ученых в статье о роли зооморфизмов в формировании этнокультурного самосознания у билингвов построила таблицу с коннотативными признаками слов *собака* и *ит* (собака по-казахски), разделив ее на две колонки: положительные признаки этих зооморфизмов, перенесенных на человека, и отрицательные. Признаки распределены по двум темам: характер человека и физические свойства человека. Колонка с отрицательными признаками по наполнению намного превышает колонку с положительными [16, с. 361].

В иудейской традиции собака рассматривается как символ возмездия, суровости божьего приговора [14]; в древних мифологиях собака чаще всего предстает в тератоморфном (уродливом) образе [7, с. 640]; вы-

полняя роль медиатора, стража между этим миром и загробным, собака перемещала тела умерших на «тот свет». О.М. Фрейденберг называет мифологического Кербера собакой смерти [2, с. 205], а вообще собак – двойниками смерти [2, с. 212]. Именно эту роль собака играет в романе «Вот идет Мессия» (1999) Дины Рубиной, кульминация сюжета которого происходит в ресторане с названием «Годовалая сука» [12, с. 375]. Мифопоэтический анализ несколько раз повторенного в романе израильского топонима, неблагозвучного для русского уха, приводит к его разгадке: на одной из площадок ресторана погибает героиня романа, перед читателем развернут подробно, с деталями и мизансценой, обряд перехода в загробный мир, и все это происходит под присмотром зооморфной субстанции – «годовалой суки» (перифраз собаки), уже не щенка, а повзрослевшей собаки [17, с. 37–40]. Важная деталь: хозяин ресторана и, соответственно, автор топонима «годовалая сука» – курдский еврей. Все эти детали приведены в романе не случайно, так как «собачий» топоним семантизирован смыслами иранской мифологии (курды – ираноязычный народ), где собака, будучи титульным животным, выполняла роль тотема, кумира [17, с. 39].

Собака участвовала в сельскохозяйственных ритуалах, в частности, в ряде европейских стран (во Франции, Германии и др.) она олицетворяла Хлебный дух: закончить жатву – убить собаку, скорее, символически [5, с. 419–420]. А также опосредованно участвовала в воинских поединках: «Индейцы-канза, отправляясь на войну, устраивали в хижине вождя пир, на котором главным блюдом была собачатина. Считалось, что столь самоотверженное животное, как собака, – животное, которое дает разорвать себя на куски, защищая хозяина, не может не сделать доблестными людей, отведавших его мяса» [5, с. 465]. Пожалуй, есть свойство, которое объединяет все мифологические трактовки собаки – это ее ум. Джек Тресиддер пишет: «В Меланезии, в североамериканских и сибирских легендах ум собаки сделал ее символом неистощимых выдумок <...> из-за оплошности собаки человек потерял дар бессмертия» [6, с. 345]. И еще одно обобщение: собака была всегда рядом с человеком.

В историческом времени собака утрачивает закрепленные за ней мифологические смыслы, превращаясь в друга человека: на охоте, в быту, порой просто в члена семьи. Собака символизирует дом, родные стены – достаточно одного классического примера, зафиксированного в заглавии повести Чингиза Айтматова, – «Пегий пес, бегущий краем моря». Можно сказать, что в современном мире произошла демифологизация собаки. В литературных текстах писатели часто прибегают к собачьей оптике: ее глазами, ее восприятием показываются

жестокие человеческие поступки и деяния («Верный Руслан» Г. Владимова, «Щенки» П. Зальцмана и множество других примеров).

Так сложилось и в рассказе «Одиночество» Эрвина Умерова, написанном не только с опорой на «катастрофический событийный каркас весны 1944 г., которая навсегда останется кровоточащей раной на сердце крымско-татарского этноса», но и в парадигме осмысления произошедшего, с попыткой «возвращения памяти о национальной трагедии в мировое коммеморативное поле истории XX века» [18]. Эрвин Умеров (1938–2007) стал одним из первых, кто начал этот разговор в художественной литературе.

Главный герой рассказа Умерова – пес по кличке Сабырлы, что в переводе с крымско-татарского означает «терпеливый». Он пережил войну и немецкую оккупацию, стал свидетелем того, как солдаты в военной форме ранним утром выгоняли из домов детей, женщин, стариков, чтобы посадить их в грузовики и увезти в неизвестном направлении. Повествование выстроено так, что непосвященный читатель только в конце рассказа понимает: речь идет о выселении коренного народа Крыма. Думается, создание образа «целой земли – Крыма без крымских татар» [19, с. 89] – это и есть причина, почему рассказ Умерова столь долго шел к читателю. Написанный в 1964 г., он был опубликован в «Дружбе народов» лишь в 1989 г., а отдельной книгой вышел в 1991 и 2001 гг. (Включенность этого рассказа в круг современной литературы обоснована временем его появления в литературном процессе; современная литература условно отсчитывается с 1991 г.) Почему Умеров выбрал собаку, чтобы показать трагедию своего народа? Вероятно, только зооморфный образ вызывает доверие у писателя своей неангажированностью и идейной незапрограммированностью. Нелицеприятный взгляд животного, использованный в виде остранения, – лучший из способов сказать правду.

Сайт «Собака и человек...» [14] каждую свою тематическую страницу о собаке и религии, собаке и этническом регионе сопровождает афористическими высказываниями: с почтением к собаке, о собаке как мериле человеческой эмпатии, однако, заметим, все эти афоризмы находятся в оппозиции к тем смыслам, которые закреплены за собакой в древних мифологиях.

Весьма информативной для контекста данной статьи представляется работа О.Н. Трубачева, которая посвящена славянским названиям домашних животных, в том числе собаки. В этимологическое поле исследователя включены не только славянские языки. Так, Трубачев оппонирует иранской версии происхождения лексемы «собака», но другой он не предлагает, выдвинув в качестве предпо-

ложения тюркоязычную версию [20, с. 30]. Забегая вперед, отметим, что поликультурный и полилингвальный этимологический бэкграунд слова «собака» говорит об общности коннотаций «собаки» в мировом метатексте.

Результаты исследования

Собака в тувинской литературе

Тувинскому писателю Маадыр-оол Ховалыгу принадлежит охотничий цикл «Под созвездием Плеяды» (2006), состоящий из трех рассказов: «Погоня», «Тринадцатая охота», «Третье прекрасное существо». Все три – о собаках, помощниках охотника. Написанные в первое десятилетие XXI в., эти рассказы повествуют о древнейшем занятии тувинцев – охоте. В них нет ни осмысления недавнего прошлого, ни того состояния, с которым тувинцы, «потомки охотников и собирателей, по сию пору сохраняющие кочевой способ хозяйствования, по сути, народ творческий, не приветствующий рутинную работу, ограниченную хронометражными рамками» [21, с. 190], вошли в XXI в. Речь в рассказах Маадыр-оол Ховалыга идет о традиции, сонме правил и заветов, доставшихся от предков-охотников; внутри этих этнических и этических картин писатель ставит непростые вопросы морали и нравственности в отношении братьев наших меньших.

Тувинцы и охота – это, собственно, паттерн тувинской картины мира. Человек из Европы, жаждавший узнать Туву изнутри, Отто Менхен-Хельфен, не без труда добившись разрешения попасть туда, пишет книгу «Путешествие в азиатскую Туву» (1931), в одной из глав которой («Охота») говорит об изобилии тувинской пушнины на Лейпцигской ярмарке [22, с. 258], тем самым подчеркивая невидимую, но реальную связь всех со всеми, в частности, включенность тувинцев в глобальный мир. Распознать эту включенность и было мотивацией для приезда Менхена в Туву [23]. Закрытая для мира Тува – практически весь XX в. – никем и нигде не опознавалась, лишь редкие, сопряженные с опасностью для жизни путешествующих вояжи в Туву приносили миру информацию о ней. Говоря о пушнине на Лейпцигской ярмарке, Менхен как бы говорит: «Вот же она, Тува!». В словарях и энциклопедиях во времена Менхена Тувы не было, но в реальности она существовала, и тувинская пушнина, упомянутая Менхеном, выполняет функцию метонимического знака: деятельность тувинцев – охота.

Внешне бесхитростная фабула в рассказе Ховалыга «Погоня» сводится к желанию охотника Шагара подстрелить двух соболей и вернуться с добычей домой, чтобы оправдать, как он считает, свою

охотничью честь. Если первого соболя Шагар с собакой добыли сразу, то со вторым пришлось помучиться, охота затянулась на несколько дней и ночей в холодной заснеженной ноябрьской тайге. Да еще и собака, одолженная у другого охотника, ошенилась, что никак не входило в план поимки соболя. Недолго думая, Шагар кладет пятерых щенят в мешок, взбирается на скалу и сбрасывает их в пропасть – все это делается для того, чтобы освободить собаку, по кличке Каргал, от материнских забот и направить ее по следу соболя.

Рассказ оставляет в замешательстве. Последняя сцена, в которой изображена собака, истекающая материнским молоком [8, с. 102], если не вводит в ступор, то вызывает неприятие тех традиций и того «охотничьего кодекса чести», которому следует Шагар.

Возникает вопрос: нравственны ли эти традиции как таковые?

В ходе повествования упоминаются маркеры следования традициям: *он знал, по обычаю, обычай пришел из древности*. Охотник Шагар все время чувствует невидимое око наблюдающего за ним, периодически он как бы отчитывается перед этим существом: «Оршээ, Хайыракан! Будь милостив, Хозяин тайги!» [8, с. 96]. Совершает поутру обряд поклонения хозяину тайги, читает *чалбарыг*, молитву, прося у него хорошую добычу.

«Глаз» невидимого хозяина тайги, под разными именами, сопровождает каждый шаг Шагара: «созвездие Плеяды заглянуло в шалаш» [8, с. 100], «темная ночь успела припрятать звезды» [8, с. 100], «созвездие плеяды всю ночь зорко охраняло покой человека и собаки, а к утру спустилось, заглянув в шалаш из кедровых веток» [8, с. 100]. Понимая, что переходит черту, Шагал «свидетельствует» перед *наблюдающим* за ним: «“Оршээ Хайыракан! Это не я, это мой усопший прадед совершил грех!” И, раскачав мешок, он уронил его в черную бездну» [8, с. 101].

Отметим, что обращение «хайыракан» имеет широкий спектр: это антропоморфный хозяин местности (как леший или водяной в русской демонологии), это может быть и животное, на которого тувинцы не охотятся, – медведь. Так, Менхен-Хельфен пишет: «Ни одному тувинцу не придет в голову охотиться на медведя. Медведя убивают, когда нет другого выхода, когда зверь нападает. <...> голову медведя вывешивают на дерево или крепят на шест, а каждый проходящий мимо просит: “Хайыракан орше” – “Могущественный господин, будь ко мне милостив”, что значит, помоги мне избежать новой встречи с тобой» [22, с. 260].

Подобное поведение охотника и его взаимоотношения с духом местности находятся в полном соответствии с архаическими культурами других

народов. «Разговоры» с духом, обращения к нему в виде молитв, других нарративов рассматриваются фольклористами как религиозно-магический функционал для отвлечения внимания духов, чтобы получить от них вознаграждение. Так, Д.К. Зеленин приводит следующее свидетельство. В 30-е годы XX в. Н.П. Дыренкова рассказывала о поверьях алтайцев: «Хозяин горного леса любит слушать сказки. Заслушавшись, он забывает о своем скоте: звери, оказавшись без надзора, разбегаются по тайге, и охотники бьют их. Или же лесной хозяин сам посылает свой скот (т. е. лесных зверей) охотнику в награду за рассказывание сказок» [3, с. 28–29].

Где, в какой стороне обитает дух тайги? Повсюду, и на небе в том числе. Образ небесных светил, звезд – именно Созвездие Плеяд, одно из воплощений хозяина тайги. Современные исследователи (М.М. Содномпилова, Б.З. Нанзатов) посвятили свою работу изучению образа Плеяд в фольклорном дискурсе разных тюркоязычных народов: ряд значений Плеяд, обнаруженных ими, вписывается в тот художественный контекст, который представлен у Ховалыга: Плеяды символизируют «засаду» [24, с. 566], это «божество, небожитель», даже «грозное божество, которое следит за тем, чтобы люди вели праведный образ жизни» [24, с. 571].

Рассказ «Тринадцатая охота» тоже о собаке. У охотника пропала старая лайка Линда – найдет ли он ее, читатель так и не узнает. Зато узнает об отношении рассказчика к своему пропавшему другу. Повествование ведется от первого лица. Взяв Линду щенком, рассказчик сроднился с ней, а теперь, когда она состарилась и пропала на охоте, он вспоминает ее с теплом и благодарностью. Ищет он не живого пса, а его останки, чтобы их похоронить. «Если собаку не похоронить, ее душа превращается в злую силу, преследующую и приносящую болезни бывшему хозяину» [25, с. 230].

«У тувинцев собака жила у хозяев до смерти: “Убивать собаку строжайше воспрещалось. Когда собака умирает от старости, в рот вкладывают сало и хоронят. Но не бросают” (П.С. Серен)» [26, с. 121], – сообщают этнографы-фольклористы. «В знак признания любви к моему верному другу я должен найти ее мертвое тело и предать земле, захоронив, раз земля мерзлая, хоть под бурелом, хоть под курумник. И только тогда я смогу смело взглянуть в лица друзей-охотников, в лица своих детей» [8, с. 104] – так противоположно предыдущему рассказу проложен эмпатический вектор «Тринадцатой охоты». Этот рассказчик, как и Шагар из «Погони», обращает молитву (чалбарыг) к духу тайги и своей родины: «Родимая моя страна <...> Радуй нас добычей...» [8, с. 104].

Однако, как мы видим, нахождение в одной и той же традиционной этнокультурной парадигме

не означает наличия одинаковой нравственно-этической позиции человека (в частности, героев Ховалыга), способности к эмпатии.

Следующий рассказ из цикла «Под Созвездием Плеяды» – «Третье прекрасное существо» – о щенке Дургене, воспитанном, но не успевшем стать охотничьей собакой. Мотив щенков неизменно соотносится с сюжетом первого рассказа, в котором Шагар бездушно, прагматично их уничтожил. Подросший Дурген перегрыз свою привязь и бежал на волю. Поиски собаки рассказчиком полны отчаяния и любви, надежды и ожидания чуда – по словам рассказчика, в таком состоянии «охотник мог запросто потерять разум» [8, с. 106].

Любовь тувинца к собаке, по наблюдению этнографов, выражается даже в обязательном рецептивном внимании хозяина к *мелодике* лая, что аргументируется фрагментом из тувинской сказки: «Как, скажи, как лает моя собака, Орлан?»

– О, голос у нее громкий, она лает басом: “Хонн! Хонн!” А собаки простых людей лают тонким голоском: “Хан-хан!”...» [26, с. 128].

Не случайно хозяин Дургена записал когда-то на магнитофонную ленту лай своей собаки, используя эту запись во время ее поисков. И он, как охотник Шагар, как хозяин Линды, почти на каждом шагу ежедневно повторяет чабарыг: «Окшээ Хайыраган, будь милостив ко мне, край мой узорчатый! <...> Будьте милостивы, помогите найти моего четвероногого, острозубого друга...» [8, с. 108].

Весьма показательные для знакомства с природным ландшафтом Тувы (горы, реки, тайга, животный мир), с тувинцами и их проблемами охотничьи рассказы Ховалыга коррелируют с оценкой закрытости Тувы, которую дают сторонние наблюдатели в начале XX в. (О. Менхен-Хельфен [22], С. Р. Минцлов [27]), а также в его конце (Р. Лейтон [28]). Так, рассуждая о кличках, которыми тувинцы называют своих собак, рассказчик, хозяин Линды, говорит: «Весь этот клубок с собачьими кличками, предположил я, из-за того, что в наш мир никто чужой не заглядывает. Что хочет душа охотника, то и делает» [8, с. 103].

Взаимоотношения человека и собаки в рассказах Ховалыга показаны в регистре общечеловеческих морально-нравственных ценностей, вне этнических маркеров.

Собака в осетинской литературе

Посмотрим на взаимоотношения человека и собаки в осетинской оптике писателя Мелитона Казиты. В заглавие его повести «Алмас» (2022) вынесена кличка собаки – главного персонажа, носителя справедливости, по мысли автора. Повествование о собаке помещено в исторический контекст:

читатель узнает, как жили осетины в XX в., о видах одежды (черкеска – холщовый кафтан, пестрые шерстяные носки, безрукавки из козьей шкуры, овечья шапка, чувяки), занятиях (охота), хозяйственной деятельности (сенокос, земледелие: селяне копают картошку, убирают хлеб), яствах и напитках (медвежатина, приправа из алычи, «прозрачный арак»), правилах поведения и этических ориентирах осетин: «считалось большим позором заговорить с мужчиной, родственником мужа»; «женщине при стариках обычай велит молчать»; «мужчине стыдно плакать на людях»; «мужчине стыдно прилюдно ласкать свое дитя» (эти вкрапления в повести транслируют *маскулинность* кавказской культуры, о которой пишет в культурологическом очерке философ А. Цуциев [29, с. 167]); рыдающая женщина, распускающая в горе свои косы; «зажиточность семьи издавна определяли по числу мужчин»; «говорить неправду – позор»; о достоинствах женщины судят по ее физической выносливости; домашних животных (волы, телята, куры, собаки – «какой же это горец, если в его доме нет собаки»), распорядке жизни («аул засыпает рано»); речевых сравнениях, рожденных бытом: «словно горячие угли были у нее под ногами»; «Ой-ой-ой! Упали с неба горящие уголья, сгорел мой дом дотла!...»; музыкальном инструменте фандыр, играя на котором, отыскивали попавших под снежную лавину жертв. Все эти детали из разных сфер осетинской жизни не воспринимаются как презентация жизни народа, они выглядят буднично и органично.

Ряд фрагментов повести «Алмас» можно рассматривать как записки охотника. Повествователь подробно описывает животный мир кавказского леса: медведи, волки, лани, олени, зайцы, сцены взаимоотношений и схваток между медведем и волком, волком и волчицей, волком и оленем. Оптика знатока-охотника без труда определяет волчье логово: «жилища у волков неглубокие. Они им нужны, пока детеныши еще слабенькие, а потом... У волка ведь так: что глаза видят, то и дом, до чего достают, то и пища» [9, с. 12]. Охотники в повести – отец Амурхан и сын Абисал, к обоим благожелательны лесные божества: *Афсати*, осетинский покровитель диких животных, и *Тутыр*, хозяин волков. Вероятно, за то, что отец с сыном не избавились от одного из семи волчат, найденных в логове, а полюбили его, пытаясь одомашнить. «Смотри, у него морда и кончик левой передней лапы – белые. <...> Отец и сын долго еще рассматривали волчат. Последний явно отличался от других. Они бросили его в мешок, с удивлением покачивая головами» [9, с. 13].

Предположив, что этот волчонок может быть собачьим щенком, неизвестно как попавшим в волчье логово, решили оставить его дома, да и жители

аула тоже согласились, что щенок не похож на волчонка: никогда не слышали про волков с белой мордой и белыми лапами, и шея у волков не поворачивается, как у этого, и лает он по-собачьи. Так была определена судьба щенка, которого дальше повествователь называет собака-волк, а Абисал дает ему кличку Алмас, он становится хозяином и другом Алмаса.

В повести нет ответа на вопрос – щенок это или волчонок, но есть судьба животного, вскормленного волчьим молоком и воспитанного человеческой заботой.

Изображение животных в литературе всегда в той или иной мере очеловечено. Их поведение, повадки, реакции описываются лексикой, которая применяется в отношении к человеку. Поведение Алмаса в повести Казиты предельно человеческое: *Алмас испугался; сознание еще не вернулось к нему; почувал; размышлять было уже некогда; бег успокоил Алмаса; мысль его стала холоднее; Алмас начал понимать; радоваться или огорчаться, Алмас решить не мог; мысли, как черви, лезли ему голову; ему хотелось понять; ничто на этой земле не интересовало Алмаса так, как это; Алмасу не поверилось, что он свободен от цепи.*

Это существо – собаку-волка – автор наделяет моральными качествами, порой противопоставляя его человеку, не в пользу последнего. Алмас стал ангелом-хранителем семьи юноши Абисала. Он совершил с десяток подвигов, в основе которых не только спасение своих хозяев от смерти, но и наказание врагов за аморальное поведение – как людей, так и животных.

Однажды Алмас беспричинно был возбужден: то ляжет, то вскочит, то заскулит, то залает. Через несколько минут задрожит земля, заскрипят дома – обрушится Немая скала на краю аула. Этой сценой автор интригует читателя: собака-волк особо чувствительна, пытается предупредить людей об опасности.

Когда в аул пришла ранняя зима и все занесло снегом, отец Абисала едет с двумя волами спасать заготовленное сено, иначе домашний скот останется зимой без пропитания. Алмас лает, суетится, хочет предупредить Амурхана о чем-то. Беда случилась – обрушилась лавина, погребла под собой и волов, и их хозяина. Отыскать человека в снежной лавине помогает Алмас, правда, Амурхан остался с переломанным позвоночником. С этой поры домашним кормильцем становится уже повзрослевший Абисал.

Алмас спасает мать Абисала, Дзигиду, от насилия их давнего завистливого соседа, перегрызая ему горло; Абисала – от укуса змеи, от пули соперников, от удушения Короткоусым; невесту Абисала Ацирухс – от похищения. «Этот волк... родился на ваше счастье. Нужно теперь испечь три пирога и

поблагодарить покровителя волков Тутыра за то, что он не пожалел вам такого подарка» [9, с. 31], – говорили люди, но в то же время и роптали, когда не могли найти виновного в аульских бедах, сваливая все на Алмаса и устраивая на него облаву.

Когда волчица, мать волчат Алмаса, убитых людьми, похищает из аула полуторагодовалого ребенка, Алмас возвращает малыша родителям. Эта сцена напоминает фрагмент из романа «Плахы» Ч. Айтматова, но ситуация у Казиты разрешается иначе.

Как человек, на судьбу которого выпало много испытаний, Алмас устал бороться, искать справедливости. Он оказался своим среди чужих (помогал людям, был предан своим хозяевам), чужим среди своих (не разделял волчью солидарность по отношению к людям), в итоге старый, израненный, потерявший свою волчицу, своих волчат, гонимый людьми, он принял решение уйти из жизни. «Он стоял неподвижно – большие лапы уперлись в землю и не шевелились, будто превратились в чугунные – и выл. Он выл, как человек, уставший уже от причитаний по погибшему близкому своему, когда слезы иссякли, голос пропал, осип, но горе все рвется и рвется из сердца» [9, с. 64]. Алмас умер – «от горя, от жалости к своей волчице» [9, с. 64].

История об Алмase и его отношениях с людьми осетинского аула, с одной стороны, вне времени, она могла случиться как в прошлом, так и в настоящем. С другой стороны, автор все же привязывает ее к конкретному времени несколькими деталями: революция, рождение колхозов, комсомол, то есть время, изображенное автором, – 20–30-е годы XX в. Однако эта хронологическая привязка мало что меняет и в истории Алмаса, и в изображении жизни осетинского аула. Можно говорить о том, что сюжет повести «Алмас» мифологический, вневременной, на что указывают неоднократные вкрапления в текст мифологических персонажей.

Таковой предстает Ацирухс – невеста главного героя. Так зовется и богиня, дочь Солнца в осетинском фольклоре, в нарративах которого борьба за Ацирухс ведется между Сосланом, богатырем нартского эпоса, и его соперниками.

Писатель М. Казиты прямо отсылает образ невесты к мифологической богине: «Ацирухс... В памяти всплыл *солнечный день* после дождя, полоска леса, протянувшаяся от Лысой горы до аула Фахс, Абисал, красивая девушка с гибкой талией. Вроде бы Абисал ее называл Ацирухс...» [9, с. 50] – это мысли собаки, Алмаса (курсив наш. – Авт.).

В повести так же, как и в эпосе, вокруг Ацирухс развивается сюжет соперничества: Абисала, жениха Ацирухс, пытаются убить, его спасает собака Алмас, услышав разговор убийц [9, с. 50]. Так, в поединке между соперниками победу одерживает Алмас, собака-волк.

В мифологии часто встречаются образы-дублиры, есть они и в нартском эпосе. Возможно, подобная двойственность на метатекстуальном уровне формирует и дублеров в повести Казиты: это Абисал и его друг Алмас. В эпосе Ацирухс узнает Сослана по отметине: «Пошли они (великаны. – *Авт.*) к дочери Солнца и говорят ей: “Гость у нас. Зовет себя Нартом Сосланом. Хотим его зарезать, но кинжалы наши не берут его”. Когда дочь Солнца услышала это имя, она сказала: “Если он Сослан, то это мой суженый”. Великаны ее спросили: “А как нам узнать, Сослан он или нет?” – “У Сослана между лопатками черная родинка...”» [4, с. 105–106].

Отметина есть и у Алмаса – «у него морда и кончик левой передней лапы – белые». Как Сослан был закален в колоде с волчьим молоком, так Алмас был вскормлен волчьим молоком [30, с. 464]. У эпического Сослана были поражены ноги [4, с. 110] – в повести Казиты охотники подстреливают Алмаса лапы («Раны у Алмаса еще не зажили, на заднюю левую ногу он прихрамывал, бока западали от голода» [9, с. 38]; «Заросли, будто защищая оленя, грудью вставляли у него на пути. Опутали ноги, не пускают» [9, с. 45]; «чем ближе был он к цели, тем больше ослабевали ноги» [9, с. 53]).

Таким образом, Алмас в архетипической парадигме – это Абисал, у обоих доброе сердце, «Но не зря, наверное, когда говорят о добром чистом сердце, сравнивают его с собачьим» [9, с. 38].

Таким образом, М. Казиты встраивает свое повествование в мифологическую парадигму, однако образ собаки не несет каких-то специфических мифологических «животных» коннотаций, он выступает, скорее, как травестированный образ человека.

Собака в казахстанской литературе

Заглавие повести Ильи Одегова никак не связано с собакой – «Овца» (2014). Событие, лежащее в основе сюжета, – пропавшая, заблудившаяся «ярочка», которую разыскивает в горах ее хозяин Марат, делающий это больше для того, чтобы угодить своей ворчливой жене.

Место действия – аул, находящийся вблизи гор, от которого несколько часов пути до большого города, где есть улица Гагарина, торгово-развлекательные центры, университет.

По отдельным бытовым артефактам и другим маркерам читатель может определить, что это казахское селение – упоминаются *казы* (колбаса), *сурпа* (суп), *утренняя молитва*, *салам алейкум* (здравствуйте), *карын* (живот), *тумар* (амулет), *мечеть*, *асык* (кость), *Наурыз* (день весеннего равноденствия), *бешбармак*, *плов*, *манты* (национальные блюда), *токта* (остановись), *слава Аллаху* (слава богу), *дастархан* (накрытый яствами стол), *курдюк* (задняя часть барана), *ишак* (осел).

Действие не привязано ни к каким значимым событиям, чтобы определить время, изображенное в рассказе. Однако по ряду деталей можно предположить, что это современность: героиня забирается на холм, чтобы позвонить по мобильному телефону, так как в самом ауле он «не ловит»; «на флаге нашем орлу глазки пририсовал» [10, с. 138] (флаг независимого Казахстана с изображением беркута был принят в 1992 г.); от аульцев раздаются реплики: «Ментам разрешили стрелять в людей» [10, с. 137] (такое право было закреплено законом в 2013 г.); в разговорах аульцы упоминают мины, которые «подстерегают» заблудившихся людей (интернет-поисковик выдает информацию 2013–2014 гг. о случаях с «забытыми» на полигонах во время военных учений минах, от которых пострадали люди). Марат, ушедший искать ярочку, не вернулся, его жена прежде всего думает о мине, на которую мог напороться ее муж.

Небольшое происшествие – пропажа овцы – стало поводом воссоздать уровни жизни не только аула и города, куда едет Рафиза, жена Марата, в поисках помощи к его брату, сотруднику спецслужб, но и показать нравы людей: сплетничают, щелкая семечки, рассказывают «страшные» истории, пасут скот, пляшут на свадьбе – в общем, как везде, как у всех, обычная рутинная жизнь. Никому нет дела до беды Рафизы – у нее пропал муж. Милиция помочь ей не может – надо ждать пресловутых «трех суток», прочие селяне – на свадьбе, городской брат Марата не может отлучиться, ждет какого-то большого начальства, сама Рафиза боится идти в горы.

Неожиданно на авансцену выходит собака с русской кличкой Лелька. Она жила во дворе дома Марата и Рафизы как бы никем не замеченной – старая дворняжка. То ли дело алабай, которого Марат с женой искали, выбирали, заплатили за него немалую сумму – ценная собака, но украденная прямо из их двора, даже было заведено уголовное дело, безрезультатное. А Лелька мало кому интересна. Однако именно Лелька становится главной в спасении Марата. Если условно выстроить эмпатическую шкалу, то образ Лельки стоит выше образа человека в контексте одеговского повествования.

В ночь, когда Марат не вернулся домой, Лелька проснулась и забеспокоилась. «Какое-то знакомое, давно позабытое ощущение заставило ее встать, потянуться и выйти за ворота. <...> ...Лелька отряхнулась и побежала по дороге налево, туда, где далеко впереди темнели силуэты кривых гор» [10, с. 126].

Долго бежала Лелька, всю ночь и все утро, отдыхая по пути и вспоминая, куда и зачем она бежит, пока не увидела Марата, расцарапанного, лежащего на спине, с рукой, придавленной верхушкой упавшей сосны.

«Марат открыл глаза и с недоумением уставился на собаку:

– Лелька? Лелька! Ты что здесь делаешь? Как ты меня нашла?

Лелька только виляла хвостом и преданно глядела на Марата. <...> Лельку переполняло счастье от выполненного предназначения» [10, с. 132–133].

Марат, одной рукой сумев снять с себя тумар на цепочке, надевает его на Лельку и велит ей бежать домой – так сообщить о беде, приключившейся с ним. Но Лелька ничего не понимает, гонимая Маратом, она скулит и остается рядом. «Отойдя на несколько шагов, она настороженно улеглась на землю, положила голову на передние лапы, но глаз не закрывала, а искоса все время поглядывала на Марата» [10, с. 134].

Марат от безысходности скреб свободной рукой землю с ворохом осыпавшейся хвои и бросал в сторону, давая понять Лельке, что ему нужна палка. Лелька резвилась, играла, прыгала, но, кажется, поняла, что от нее хотят.

Она спасла хозяина – толстая ветка сыграла роль рычага, и рука была освобождена. Оба, Марат и Лелька, счастливые, двинулись домой. Беда подстерегала их за поворотом: два волка рвали на куски ту самую ярочку, из-за которой Марат оказался под сосной. Марат сумел отогнать волков, но Лелька, воодушевленная близостью хозяина, начала на них лаять и прыгать. Вдруг завизжала и опрокинулась на спину – у нее из шеи был выдран целый кусок. Лелька глядела на Марата, будто провинилась. «Марат лег рядом и заплакал. И плакал до тех пор, пока Лелька не перестала дышать» [10, с. 151–152]. Похоронив Лельку, свою спасительницу, он сложил над ее телом пирамиду из камней.

Лелька – единственная из всех персонажей повести, кто остался предан своему хозяину до конца, кто безошибочно смог отыскать Марата – получается, ценою своей жизни.

Прежде чем мы перейдем к следующему в нашей аналитике тексту о собаке Аргосе, скажем об очевидном сходстве Аргоса с Лелькой. Кличка Аргос – реминисценция из гомеровской «Одиссеи»: по возвращении домой Одиссея пес Аргос был единственным живым существом, кто узнал своего хозяина, а дождавшись его – умер. В повести И. Одегова никто, кроме Лельки, не пришел на помощь Марату, а собака спасла его и погибла.

Собака во французской литературе

Именем Одиссеева пса, ставшего символом собачьей преданности, названа собака в новелле «Пес» (2013) Эрик-Эмманюэля Шмитта, франкоязычного писателя.

В одной из бельгийских провинций живет врач Сэмюэл Хейман. Когда ему исполнилось семьде-

сят, он закончил свою врачебную деятельность. Необщительного, неразговорчивого, его привыкли видеть на прогулках с собакой Аргосом. (Кличка собаки из поэмы Гомера варьируется в разных переводах «Одиссеи»: Аргус/Аргос.)

Аргос, сколько помнят жители городка, был всегда один и тот же на протяжении десятилетий – породы босерон. Сэмюэл, по смерти одного пса, брал себе другого, похожего, и кличку не менял. Придя первый раз в собачий питомник, он сказал: «Если у меня не будет собаки, я сдохну. <...> Мне не выжить без собаки» [11, с. 97]. Так было с четырьмя псами. Когда последнего Аргоса сбила машина, а Сэмюэлу было уже восемьдесят, он покончил с собой. Вся округа в недоумении: неужели смерть собаки может быть поводом для ухода из жизни?

Разгадка приходит из предсмертного письма, которое получает от Сэмюэла рассказчик, где тот повествует о своей жизни: в 1942-м за семьей Хейман пришли гестаповцы. Сестра успела спрятать маленького Сэмюэла в ящик с игрушками – один из семьи он остался жить: мать, отца и сестру, бабушку и дедушку увели навсегда. Сэмюэла долго скрывали в пансионе для сирот. Когда на пансионеров донесли, а это был его одноклассник, всех отправили в концлагерь. «Я стал скотом, вещью в руках высшей расы, нацистов, присвоивших себе право распоряжаться мной, как им заблагорассудится» [11, с. 108], – пишет Сэмюэл.

Новелла Шмитта сопровождается посвящением: «Памяти Эмманюэля Левинаса». Этому выдающемуся философу (1906–1995) принадлежат слова: «С нас сняли человеческую кожу. Мы были не чем иным, как скоплением низших существ. В моей биографии преобладает память о нацистской мерзости» [31].

Пятнадцатилетний Сэмюэл, истощенный физически и эмоционально, мечтал согреться в той самой печи, куда увели его семью. Неожиданно за колючей проволокой концлагеря он встречает собаку, которая тоже проявляет интерес к Сэмюэлу, зовя его играть: она ловит снежки, отправленные ей из-за проволоки подростком. Сэмюэл неожиданно для себя улыбается, ведь он думал, что уже не способен к этому, делится с собакой своим скудным пайком. «Так Сэмюэл вновь стал человеком», – пишет он о себе. С этого момента собака для него – самое близкое и родное существо, других у него уже не было, все были сожжены в печи. Когда пришло реальное освобождение от Красной армии, Сэмюэл возвращается домой с собакой, отныне ее зовут Аргосом.

«Аргос... Помнишь, кто такой Аргос? Единственный, кто узнал Улисса, когда он вернулся на Итаку после двадцати лет отсутствия» [11, с. 119], – разговаривает Сэмюэл со своим псом.

Если в текстах, рассмотренных выше, человек смиряется с уходом собак Линды и Дургена (М. Ховалыг), Алмаса (М. Казиты) в вольную жизнь, то в истории, рассказанной Шмиттом, не столько собака нуждается в человеке, сколько человек в собаке, нужда здесь приобретает не прагматический, а экзистенциальный характер. Когда погибает четвертый Аргос, Сэмюэл понимает, что завести еще одного Аргоса он не сможет – умрет раньше своего пса, а оставить дорогое ему существо на произвол судьбы он не может – отсюда решение уйти из жизни, без Аргоса для Сэмюэла жизни нет. (Эта и другие истории о травме Холокоста, воссозданные писателем Шмиттом, анализируются в книге о франкоязычной литературе [32].)

Заключение

Итак, в статье проанализирован образ собаки в разных этнически окрашенных прозаических текстах современной литературы: собака в *тувинском*, *осетинском*, *казахстанском* контекстах и собака в *европейском*, *постхолокостном* контексте, а также

факультативно – в *еврейско-курдском* и *крымско-татарском*. Рассмотрены мифологические коннотации образа собаки, они, как показывает наша аналитика, амбивалентны, образ собаки в метатексте культуры развивается от мифологизации к демифологизации, как все прочие мифы нового и новейшего времени [33]. Подчеркнем, что в литературных текстах воссоздан взгляд на собаку демифологизированный (кроме примера из романа Д. Рубиной); архаически-ритуальная роль собаки (как медиатора между жизнью и смертью) в современном мире утрачена, более того – отношение человека к собаке видится как мерило нравственности.

Рассмотренные грани взаимоотношений человека и собаки, отраженные в современных литературных текстах, с одной стороны, помещены в исторические, географические, бытовые и культурные реалии, создавая индивидуальный этнический кейс, с другой стороны, проделанный анализ образа собаки в разных литературных текстах показывает единый ментальный мир человека, живущего в глобальном пространстве.

Список источников

1. Топоров В.Н. Животные // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 440–449.
2. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / подгот. текста, справ.-информ. аппарат, предварение, послесл. Н.В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
3. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1934–1954 / вступ. ст., сост., подготов. текста и коммент. Т.Г. Ивановой. М.: Индрик, 2004. 368 с.
4. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / пер. с фр. А.З. Алмазовой; послесл. В.И. Абаева. М.: Наука, 1990. 229 с.
5. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. 703 с.
6. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-Пресс, 1999. 448 с.
7. Тахо-Годи А.А. Кербер // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 640.
8. Ховалыг М. Под созвездием Плеяды: охотничьи рассказы / пер. с тувинского М. Кыргыс, М. Ховалыга, В. Бузыкаева // Сибирские огни. 2006. № 8. С. 96–108.
9. Казиты М. Алмас: повесть / пер. с осетинского автора // Дружба народов. 2022. № 12. С. 8–64.
10. Одегов И. Овца: повесть // И. Одегов. Тимур и его лето. М.: Текст, 2014. С. 118–158.
11. Шмитт Э.-Э. Пес: рассказ / пер. Н. Хотинской // Э.-Э. Шмитт. Два господина из Брюсселя: новеллы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 72–137.
12. Рубина Д.И. Вот идет Мессия!: Роман, эссе. СПб.: Ретро, 2001. 429 с.
13. Умеров Э. Одиночество // Э. Умеров. Черные поезда. М.: Текст, 2002. С. 11–33.
14. Сайт «Собака и человек. Искусство. Религия. Общество». URL: <https://dog-info.narod.ru/iuda.htm> (дата обращения: 1.04.2025).
15. Сансызбаева С.К. Казахско-русский словарь этнографических характеристик человека. Алматы: Казахский нац. ун-т им. аль-Фараби, 2000. 87 с.
16. Aden, Zh.Sh., Akhmet, A.N., Shaimerdenova N.Zh., Sansyzbayeva S.K. The Role and Importance of Zoomorphisms in the Education and Development of Bilingual Children Ethnocultural Self-Awareness. In: J. Sib. Fed. Univ // Humanit. soc. sci. 2025. № 18(2). P. 356–366.
17. Шафранская Э.Ф. Синдром голубки (Мифопоэтика прозы Дины Рубиной). СПб.: Свое изд-во, 2012. 470 с.
18. Кешфидинов Ш.Р. Коммеморация: Эрвин Умеров о травматическом событии в истории крымских татар // Наука в мегаполисе. 2024. № 8(64). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-64/literaturovedenie-i-yazykoznanie/kommemoratsiya-erwin-umerov-o-travmaticheskom-sobyitii-v-istorii-krymskikh-tatar.html> (дата обращения: 1.04.2025).

19. Кешфидинов Ш. Р. Война глазами животных в произведениях Павла Зальцмана и Эрвина Умерова // Вопросы филологии. 2022. № 2 (78). С. 87–91.
20. Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: этимологическое исследование / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 116 с.
21. Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П. Социокультурные особенности современного тувинского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 188–195. doi: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-188-195
22. Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер: антология: в 7 т. / сост. С.К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 6. С. 220–351.
23. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Шаймерденова Н.Ж. Открытие Тувы в ориенталистской оптике (Сергей Минцлов и Отто Менхен-Хельфен) // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 121–134. doi: 10.25178/nit.2024.1.8
24. Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Образы Плеяд в представлениях тюрко-монгольских народов // Монголоведение. 2024. № 16 (3). С. 563–576. doi: 10.22162/2500-1523-2024-3-563-576
25. Захаров И.А., Каштанова С.В. Тувинская овчарка – аборигенная пастушья собака Тувы // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. С. 225–244.
26. Бурыкин А.А., Болдырева И.М., Музраева Д.Н. Собака в калмыцком и тувинском фольклоре // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 119–132. doi: 10.25178/nit.2019.4.10
27. Минцлов С.Р. Секретное поручение: Путешествие в Урянхай. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1915. 277 с.
28. Leighton R. Tuva or bust!: Richard Feynman's last journey. New York; London: W.W. Norton & Company, 1991. 261 p.
29. Цуциев А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов // Дружба народов. 2005. № 10. С. 152–176.
30. Калоев Б.А. Сослан // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. 719 с.
31. Левинас Э., Каспер Б. Заложник для другого / под ред. А. Фабриса. Пиза: ETS Editions, 2012. URL: https://ru.wikiital.com/wiki/Emmanuel_Levinas#CITEREF0staggio (дата обращения: 1.04.2025).
32. Матенова Ю.У., Шафранская Э.Ф. Современная франкоязычная литература. Межкультурное взаимодействие: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. 225 с.
33. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Шаймерденова Н.Ж. Амбивалентный миф о Туве XX века // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 61–75. doi: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5>

References

1. Toporov V.N. Zhivotnye [Animals]. *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 tomakh* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 volumes]. Ed. S.A. Tokarev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991. Pp. 440–449 (in Russian).
2. Freydenberg O.M. *Poetika syuzheta i zhanra. Podgotovka teksta, spravочно-informatsionnyy apparat, predvareniye, poslesloviye N.V. Braginskoy* [Poetics of plot and genre. text preparation, reference and information apparatus, introduction, afterword by N.V. Braginskaya]. Moscow, Labirint Publ., 1997. 448 p. (in Russian).
3. Zelenin D.K. Izbrannyye trudy. *Stat'i po dukhovnoy kul'ture. 1934–1954. Vstupitel'naya stat'ya, sostavleniye, podgotovka teksta i kommentarii T.G. Ivanovoy* [Selected Works. Articles on Spiritual Culture. 1934–1954. Introductory article, composition, preparation of the text and commentary by T.G. Ivanova]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 368 p. (in Russian).
4. Dyumezil' Zh. Skify i narty. *Perevod s frantsuzskogo A.Z. Almazovoy; poslesloviye V.I. Abaeva* [Scythians and Narts. Translation from French by A.Z. Almazova; afterword by V.I. Abaev]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 229 p. (in Russian).
5. Frezer D.D. *Zolotaya vetv': Issledovaniye magii i religii. Perevod s angliyskogo M.K. Ryklina* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion. Translation from English by M.K. Ryklin]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 703 p. (in Russian).
6. Tresidder Dzh. *Slovar' simvolov. Perevod s angliyskogo S. Pal'ko* [Dictionary of symbols. Translated from English S. Pal'ko]. Moscow, FAIR-Press Publ., 1999. 448 p. (in Russian).
7. Takho-Godi A.A. Kerber [Kerber]. *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 tomakh. Tom 1* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 volumes. Vol. 1]. Ed. S.A. Tokarev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991. P. 640 (in Russian).
8. Khovalyg M. Pod sozvezdiem Pleyady: okhotnich'i rasskazy. *Perevod s tuvinskogo M. Kyrgys, M. Hovalyga, V. Buzykaeva* [Under the Pleiades: Hunting Stories. translation from Tuvan by M. Kyrgys, M. Khovalyga, V. Buzykaeva]. *Sibirskiy ogni*, 2006, no. 8, pp. 96–108 (in Russian).
9. Kazity M. Almas: povest'. *Perevod s osetinskogo avtora* [Almas: The Story. Translated from the Ossetian by the author]. *Druzhba narodov*, 2022, no. 12, pp. 8–64 (in Russian).
10. Odegov I. Ovtsa: povest' [The Sheep: A Story]. in: I. Odegov. *Timur i ego leto* [Timur and his summer]. Moscow, Tekst Publ., 2014. P. 118–158 (in Russian).
11. Shmitt E.-E. Pes: rasskaz. *Perevod N. Hotinskoy* [Dog: Story. Translation by N. Hotinskaya]. In: E.-E. Shmitt. *Dva gospodina iz Bryusselya: novelly* [Two Gentlemen from Brussels: Novellas]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2013. Pp. 72–137 (in Russian).

12. Rubina D.I. *Vot idet Messiya!/: roman, esse* [Here Comes the Messiah!/: Novel, essay]. Saint Petersburg, Retro Publ., 2001. 429 p. (in Russian).
13. Umerov E. Odinochestvo [Loneliness]. *Chernye poezda* [Black trains]. Moscow, Tekst Publ., 2002, pp. 11–33 (in Russian).
14. *Sayt «Sobaka i chelovek. Iskusstvo. Religiya. Obshchestvo»* [Website “Dog and Man. Art. Religion. Society”] (in Russian). URL: <https://dog-info.narod.ru/iuda.htm> (accessed 1 April 2025).
15. Sansyzbaeva S.K. *Kazahsko-russkiy slovar' etnograficheskikh kharakteristik cheloveka* [Kazakh-Russian dictionary of ethnographic characteristics of man]. Almaty, Kazahskiy natsional'nyy universitet imeni al'-Farabi Publ., 2000. 87 p. (in Russian).
16. Aden Zh.Sh., Akhmet A.N., Shaimerdenova N.Zh., Sansyzbayeva S.K. The Role and Importance of Zoomorphisms in the Education and Development of Bilingual Children Ethnocultural Self-Awareness. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci*, 2025, no. 18 (2), pp. 356–366.
17. Shafranskaya E.F. *Sindrom golubki (Mifopojetika prozy Diny Rubinoy)* [Dove Syndrome (Mythopoeitics of Dina Rubina's Prose)]. Saint Petersburg, Svoye izdatel'stvo Publ., 2012. 470 p. (in Russian).
18. Keshfidinov Sh.R. Kommemoratsiya: Jervin Umerov o travmaticheskom sobytii v istorii krymskikh tatar [Commemoration: Ervin Umerov on a traumatic event in the history of the Crimean Tatars]. *Nauka v megapolise – Science in a Megapolis*, 2024, no. 8 (64) (in Russian). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-64/literaturovedenie-i-yazykoznanie/kommemoratsiya-ervin-umerov-o-travmaticheskom-sobytii-v-istorii-krymskikh-tatar.html> (accessed 1 April 2025).
19. Keshfidinov Sh.R. Voyna glazami zhivotnykh v proizvedeniyakh Pavla Zal'tsmana i Ervina Umerova [War through the eyes of animals in the works of Pavel Zaltsman and Ervin Umerov]. *Voprosy filologii*, 2022, no. 2(78), pp. 87–91 (in Russian).
20. Trubachev O.N. *Proiskhozhdeniye nazvaniy domashnikh zhivotnykh v slavyanskikh yazykakh: etimologicheskoye issledovaniye* [Origin of Pet Names in Slavic Languages: An Etymological Study]. Ed. N.I. Tolstoy. Moscow, AN SSSR Publ., 1960. 116 p. (in Russian).
21. Bakhtikireeva U.M., Sinyachkin V.P. Sotsiokul'turnye osobennosti sovremennogo tuvinskogo obshchestva [Sociocultural features of modern Tuvan society]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 188–195. doi: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-188-195 (in Russian).
22. Menhen-Hel'fen O. Puteshestviye v aziatskuyu Tuvu [Travel to Asian Tuva]. *Uryankhay. Tyva depter: antologiya: v 7 tomakh. Tom 6* [Uriankha. Tyva Depter: An Anthology: in 7 volumes. Volume 6]. Comp. S.K. Shoygu. Moscow, Slovo Publ., 2014. P. 220–351 (in Russian).
23. Shafranskaya E.F., Garipova G.T., Shaymerdenova N.Zh. Otkrytiye Tuvy v orientalisticheskoy optike (Sergey Mintslov i Otto Menhen-Hel'fen) [The Discovery of Tuva in Orientalist Optics (Sergey Mintzlov and Otto Maenchen-Helfen)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The new Research of Tuva], 2024, no. 1, pp. 121–134. doi: 10.25178/nit.2024.1.8 (in Russian).
24. Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. Obrazy Pleyad v predstavleniyakh tyurko-mongol'skikh narodov [Images of the Pleiades in the representations of the Turkic-Mongolian peoples]. *Mongolovedenie*, 2024, no. 16 (3), pp. 563–576. doi: 10.22162/2500-1523-2024-3-563-576 (in Russian).
25. Zaharov I.A., Kashtanova S.V. Tuvinskaya ovcharka – aborigennaya pastush'ja sobaka Tuvy [Tuvan Shepherd Dog – Aboriginal Shepherd Dog of Tuva]. *Novye issledovaniya Tuvy – The New Research of Tuva*, 2009, no. 4, pp. 225–244 (in Russian).
26. Burykin A.A., Boldyreva I.M., Muzraeva D.N. Sobaka v kalmytskom i tuvinskom fol'klore [Dog in Kalmyk and Tuvan folklore]. *Novye issledovaniya Tuvy – The New Research of Tuva*, 2019, no. 4, pp. 119–132. doi: 10.25178/nit.2019.4.10 (in Russian).
27. Mintslov S.R. *Sekretnoye porucheniye: Puteshestviye v Uryanzhay* [Secret Assignment: A trip to Urianhay]. Riga, Sibirskoye knigoizdatel'stvo Publ., 1915. 277 p. (in Russian).
28. Leighton R. *Tuva or bust!/: Richard Feynman's last journey*. New York; London: W.W. Norton & Company, 1991. 261 p. (in English).
29. Tsutsiev A. Russkiye i kavkaztsy: po tu storonu druzhby narodov [Russians and Caucasians: on the other side of the friendship of peoples]. *Druzhba narodov*, 2005, no. 10, pp. 152–176 (in Russian).
30. Kaloev B.A. Soslan [Soslan]. *Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 tomakh* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 volumes]. Ed. S.A. Tokarev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1992, vol. 2, p. 464 (in Russian).
31. Levinas E., Kasper B. *Zalozhnik dlya drugogo* [Hostage for another]. Ed. A. Fabrisa. Piza: ETS Editions, 2012 (in Russian). URL: https://ru.wikiital.com/wiki/Emmanuel_Levinas#CITEREFostaggio (accessed 1 April 2025).
32. Matenova Yu.U., Shafranskaya E.F. *Sovremennaya frankoyazychnaya literatura. Mezhekul'turnoye vzaimodeystviye: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Contemporary French-language literature. Intercultural interaction: Textbook and practical course for universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2023. 225 p. (in Russian).
33. Shafranskaya E.F., Garipova G.T., Shaymerdenova N.Zh. Ambivalentnyy mif o Tuve XX veka [The Ambivalent Myth of Tuva in the 20th Century]. *Novye issledovaniya Tuvy – The New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 61–75. doi: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.5> (in Russian).

Информация об авторах

Шафранская Э.Ф., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198).

E-mail: shafranskayaef@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4462-5710; SPIN-код: 5340-6268; Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/34798060>; Профиль в Scopus: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57218706463>.

Кешфидинов Ш.Р., магистр педагогического образования, аспирант, Московский городской педагогический университет (2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, Москва, Россия, 129226).

E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-3293-3393; SPIN-код: 9550-4751; Профиль в Scopus: 1161028.

Шаймерденова Н.Ж., доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (пр. аль-Фараби, 71/27, Алматы, Республика Казахстан, 050000).

E-mail: turkology.ri@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2830-8336; SPIN-код: 1980-9105; Профиль в Scopus: 57815889800.

Information about the authors

Shafranskaya E.F., Doctor of Philological Sciences, Professor, RUDN University (ul. Mikhlukho-Maklaya, 6, Moscow, Russian Federation, 117198).

E-mail: shafranskayaef@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4462-5710; SPIN-code: 5340-6268; Researcher ID: <https://www.webofscience.com/wos/author/record/34798060>; Scopus Profile: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57218706463>.

Keshfidinov Sh.R., Master of Pedagogical Education, graduate student, Moscow City University (2-y Sel'skokhozyaystvennyy proyezd, bldg. 1, 4, Moscow, Russian Federation, 129226).

E-mail: keshfidinov-shevket@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-3293-3393; Scopus Profile: 1161028.

Shaimerdenova N.Zh., Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University (pr. al-Farabi, 71/27, Almaty, Republic of Kazakhstan, 050000).

E-mail: urkology.ri@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-2830-8336; SPIN-code: 1980-9105; Scopus Profile: 57815889800.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 01.04.2025; accepted for publication 20.05.2025